

ДЕТЕКТИВ

ПОЗИТИВ

Матьяна
Оуганцева

Муза для конфуза,
или Табу
на женатых мужчин

Москва
2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л83

Оформление серии *Н. Никоновой*

Луганцева, Татьяна Игоревна.

Л83

Муза для конфуза, или Табу на женатых мужчин : роман / Татьяна Луганцева. — Москва : Эксмо, 2015. — 320 с. — (Детектив-позитив. Романы Т. Луганцевой, Н. Александровой).

ISBN 978-5-699-80460-3

Разведенная учительница музыки с говорящим именем Муза пришла на собеседование в семью потенциальной ученицы и умудрилась в пух и прах разругаться с ее отцом Григорием. Честно говоря, скандальный папаша ей очень даже понравился, но женатый мужчина — это табу! Поэтому Муза, отчаявшись найти свою половинку, обратилась в брачное агентство. Там ее сначала огорошили новостью, что она «некондиционный товар», а потом отправили на свидание с противным скупердяем. Но самое удивительное, в том же кафе Муза увидела... Григория, мило ворковавшего с какой-то блондинкой! Кипя праведным гневом, Муза поспешила заклеить «женатика» позором. Примчавшиеся в кафе охранники брачного агентства схватили Григория и, обнаружив у него «прослушку», избili и куда-то уволокли. Что ж, наломала Муза дров, теперь ей и спасать горе-«жениха»!..

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Луганцева Т. И., 2015

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-80460-3

ГЛАВА 1

— Ну вот! Наконец-таки! Хоть кто-то стоящий! — подбодрила великовозрастную дочь Светлана Игоревна, появляясь за спиной дочери, словно привидение, и подслеповато шурясь на экран компьютера.

Ее тридцатипятилетняя дочь Муза Юрьевна Ромашкина, давно пребывающая в статусе разведенной женщины, наконец-таки решила познакомиться с кем-нибудь через Интернет, потому что ничего лучшего придумать не смогла. Сначала ее мама, женщина старой закалки и высоких моральных устоев, категорически не приняла этот способ знакомства.

— Это несерьезно! Как можно знакомиться, не видя человека? Ваш чертов компьютер уже заменяет человека, это ненормально!

— Сейчас все так делают. То есть не все, конечно, — смущенно отвечала Муза, — но многие. А где еще найти пару? Коллектив у нас женский — на работе не познакомиться. В транспорте я не вижу никого стоящего. Да и не знакомятся вот так в пути... в суете, в толпе, на ходу...

— Да что ты вообще видишь! — прервала ее мать, намекая на испорченное с детства зрение. — Ты и на мужчин-то не смотришь, идешь вся такая согбенная под грузом своих проблем. Кто к тебе подойдет-то?

Муза была близорука, словно крот, и рассеянна. А если забывала где-то очки, то начинала сильно щуриться и просто тыкаться в лицо и грудь собеседника носом. Ее подруга Настя Кречетова смеялась по этому поводу:

— Со стороны это выглядит так, как будто ты обнюхиваешь человека, когда разговариваешь и забываешься...

В целом внешность у Музы была вполне приличная. Она была выше среднего роста, стройная для своих лет, с длинными светло-русыми, слегка выющимися волосами и большими грустными голубыми глазами с несколько не сфокусированным, плавающим взглядом. Как говорила все та же подруга Настя: «Они у тебя грустные из-за того, что их никто не видит из-за этой идиотской оправы, которую ты водрузила себе на нос, словно седло! Не хватает только свисающих по бокам стремян, которые бились бы о твои щеки и гнали тебя дальше по жизни!»

— Что ты такое говоришь?! — рассмеялась Муза. — Даже представить страшно!

— Вот-вот! Представить страшно, а ты так ходишь! Почему ты носишь страшную, стариковскую оправу темно-коричневого цвета? Почему?

— Тебе не нравится? — переспросила Муза.

— А кому это понравится? Кто тебе еще скажет правду, если не лучшая подруга? Купи красивую оправу, тоненькую, совсем незаметную на лице. Зачем себя так уродовать? Словно специально! Ты же — молодая женщина! А еще лучше — приобрети контактные линзы и открой миру свои большие и красивые глаза!

— Я молодая? — удивленно уточнила Муза.

— Ну, не очень старая?! — уточнила Настя, зная, что самооценка у ее подруги здорово снижена.

— Не очень, — неуверенно согласилась Муза. — Не молодая, но и не дряхлая еще. Такой стабильный середнячок.

— Слава богу, что ты еще это понимаешь, — рассмеялась в голос подруга. — Глаза красивые, волосы светлые, кожа белая, а очки такие мощные, темные, словно ты сняла их с мертвого дедушки.

Удивлению Музы не было предела.

— Почему — мертвого? — даже икнула она.

— А живой тебе бы очки не отдал, — пояснила Анастасия.

И Музе пришлось еще долго утирать слезы от смеха.

Поэтичным именем Муза назвал ее отец, очень рано ушедший из жизни. Муза его почти и не помнила. Естественно, он был музыкант, весьма успешный и известный в своих кругах. Он просто жил музыкой, существовал ею. Он играл на рояле и пел, он сочинял музыку и все

время гастролировал, зарабатывая неплохие деньги. Что для него было не главным. Первая жена использовала Юрия Владимировича Ромашкина в нужных ей целях. Ей было все равно, что он весь в себе, что он все время отсутствует, главное, что он приносил деньги в дом. Юрий Владимирович материально обеспечивал семью и, что называется, мог быть свободен, большего от него и не требовалось. А женушка развлекалась с любовниками и вела праздный образ жизни на его деньги. Вот за одним из этих «празднований» ее и застал Юрий Владимирович, приехавший с воспалением легких из командировки преждевременно. Жена лежала в постели в окружении пустых бутылок из-под шампанского и лепестков роз. Но это были не главные детали антуража, центром композиции являлся молодой мужчина с глупо-испуганным взглядом, бритым затылком и накачанными руками, покрытыми татуировками. Юрий Владимирович долго соображал, что бы это могло значить, прижимая к себе портфель с нотами. А когда понял, удивлению его не было предела.

— Так ты изменяешь мне? Как же так, дорогая? Разве это прилично, разве это возможно... так сказать...

— Совсем чуть-чуть, только когда ты долго в отъезде, — отвечала ему пышногрудая жена, еще пытавшаяся достойно выйти из весьма недостойной ситуации.

Юрий Владимирович нашел в себе силы собраться с мыслями, потом собрать вещи и уйти от ветреной жены, которая все его имущество и квартиру благополучно оставила себе. Сам Юрий Владимирович был настолько интеллигентным и скромным, что даже не заявил никаких претензий на свое личное имущество. Жена долго не верила, что он вот так сможет уйти и не простить ее. Жил он при филармонии, как бомж. Коллеги вошли в его положение, закрыли глаза на его ночевки. Юрий Владимирович мыл пол в благодарность, питался там же в столовой или покупал хлеб с сосисками и молоко в соседнем магазине. Костюм он чистил себе, как мог, но все равно все более принимал вид бесхозного мужика, потерявшегося в жизни. Гардеробщица филармонии сжалилась над ним и уговорила свою соседку, учительницу английского языка, одинокую и очень воспитанную женщину, сдать комнату Юрию Владимировичу, боясь, что рано или поздно его все равно выкинут из подсобки. Соседка согласилась, и через год совместной жизни в одной квартире они расписались и создали настоящую семью. Так познакомились родители Музы. Ее мама была много моложе отца, и естественно, что он раньше ушел из жизни, оставив своих любимых девочек наедине друг с другом. Светлана Игоревна хранила светлую память о муже, то есть была верна ему. А вот за неустроенную жизнь дочери она сильно переживала. Конечно, Муза с таким именем и папой-музыкантом не могла не пойти в музыкальную школу и не окончить ее с отличием,

естественно, по классу фортепьяно, сделав это с огромным удовольствием.

В музыке она жила, существовала, и чувства ее раскрывались, только когда садилась за инструмент. Поэтому Муза дополнительно отучилась еще два года и освоила арфу и аккордеон. Потом она поступила в высшее музыкальное училище. Девушка была прилежна и хорошо училась, ее заметили и сразу после окончания пригласили в оркестр как арфистку, место пианистки было занято. Оркестр был достаточно известный и часто гастролировал по российским филармониям и даже за границей. А то, что Муза с детства знала английский язык очень хорошо и немецкий с переменным успехом, ей помогало за пределами родины. Вообще, она очень любила путешествовать по Европе. Ей нравилось созерцать окружающее и слушать шум улиц, людскую речь, шелест дождя, и в каждом пейзаже она находила для себя что-то особенное и неповторимое. Слыла она среди своих коллег-музыкантов нелюдистой и немного странной, то есть человеком, живущим в своем мире. А у нее ничего больше и не было. И в этот внутренний мир Муза очень редко кого допускала. Например, с мамой у нее сохранялись дружеские, теплые отношения, подруга одна была с детских времен, которой Муза могла доверять полностью. Настя Кречетова всю жизнь проработала учительницей в школе, а после тридцати лет вдруг захотела что-то поменять, причем радикально, видимо, предвеляя кризис среднего возраста. Она уволилась из школы и устроилась

работать в туристическое агентство «Надежды сбываются». Она подошла как сотрудница с высшим образованием, умеющая общаться с людьми, знающая языки, чтобы переводить всю документацию и рекламу, которые присылали из других стран. Но из-за полного отсутствия опыта работы именно в такой индустрии Настю пока сделали помощницей при турагенте. И теперь Настя все время жаловалась Музе:

— Я взрослая женщина, а бегаю, как подросток! Помоги! Отнеси-принеси! Поддай кофе! Словно курьер...

— Это же временно, — успокоила ее Муза.

— Мне не доверяют клиентов, и это плохо. Я так не наберусь опыта! А я знаю, почему мне не доверяют клиентов: нет свободного места для еще одного туроператора. Я должна ждать, пока кто-нибудь из них не уйдет! Меня обманули! Меня взяли курьером и все время кормят баснями об испытательном сроке. А я чего должна ждать? У моря погоды? Вдруг кто-то из них умрет или забеременеет?

— Настя!!

— Ну, хорошо! До пенсии там всем далеко! Остается только проводить кого-нибудь в декрет! — распаялась Анастасия. — Есть пара молодых девчонок замужних. Так это месяцев семь минимум ждать!

— Ты сама рвалась на эту работу! — напомнила Муза.

— Так в том-то и дело, что работать не дают, — жаловалась Настя.

Еще Муза пустила в свою жизнь, будучи уже двадцатипятилетней девушкой, дирижера своего симфонического оркестра Генриха Масловича, который и разбил ее мечты о счастливой семейной жизни, любви до гроба и принце на белом коне — то есть все сразу — просто вдребезги. Счастливы они были года два, и то это счастье было весьма относительным, просто ей сравнить было не с чем и не с кем, а потом Генрих начал пить по-черному. Оказывается, он и до встречи с Музой увлекался алкоголем, потом вроде завязал, чтобы ездить за границу, но не справился с болезнью или вредной привычкой, и она с новой силой вырвалась наружу.

Тут уж Муза хлебнула по полной. Пил Генрих по-страшному, до потери памяти, до белой горячки, до рукоприкладства и оскорблений. А с утра Музе доставался трясущийся, бледный, плохо пахнущий и стонущий мужчина, которого надо было не то что приводить в чувство, а просто возвращать к жизни, к тому же он не помнил, что происходило накануне. Она отпаивала его куриными бульонами, отварами, рассолами. Иногда приходилось покупать пиво. Муза кормила его с ложечки и, естественно, пыталась образумить, слабо представляя, как это делать. Все тщетно. Несколько лет пыток, а потом она не выдержала и ушла. Тогда Генрих встrepенулся и попытался вернуть любимую жену. С работы его уже к тому времени выгнали, так как он дирижировал дрожащими пальцами, если вообще мог встать. Оркестр не мог сконцентрированно начать играть не «дрожащую музыку», а то,

что надо было. У него и характер испортился, он стал озлобленным, неуравновешенным и агрессивным. Музыканты написали коллективное письмо с отказом работать с таким больным человеком в одном коллективе.

Уж очень сильно просил Генрих Музу его понять и простить в очередной раз, что она опять и сделала, считая, что муж должен быть один и что она должна помогать ему и быть с ним в печали и радости. И, несмотря на то что Муза была в то время единственной кормилицей в семье, она взяла отпуск и поехала со своим суженым-ряженым в Сибирь в какой-то экологический тур. «Ты не представляешь, какая там красота! Огромные вековые ели, все укрывающие своими темными лапами. Ты знаешь, что еловый лес — самый темный? Сосны... снег, первозданное все! Закат, рассвет и сногшибательный воздух! Там я одурею от него, а не от алкоголя! Там и проживем с тобой. Три избы на несколько километров. Все надо будет делать своими руками: колоть дрова, носить воду, топить печь. Мы будем есть собранные за лето белые грибы в сушеном и маринованном виде, и я буду ходить на охоту! Да, я принесу в дом дичь, во мне проснутся спящие на генетическом уровне мужские инстинкты, и я вернусь в свою жизнь, забуду про этот алкоголь!» — горячо убеждал ее Генрих, что обескуражило Музу окончательно.

И вот они вдвоем улетели в глухую Сибирь, черт знает куда и зачем, то есть понятно зачем: для спасения их любви, семейной жизни. И избавления Генриха от алкоголизма в качестве са-

мого главного аргумента. Поселилась семейная пара в деревянной избе в спартанских условиях, что и было обещано.

Муза, как домашняя девочка, пережила настоящий шок от отсутствия нормального быта, но собралась и решила сделать все, чтобы помочь мужу. Им удалось продержаться целую неделю в холоде и фактически в голоде, то есть с очень ограниченным набором продуктов. А потом в соседнюю избу заселились любители зимней охоты. Надо отметить, что всю эту неделю Генрих был мрачнее тучи и всю накопившуюся злобу из-за отсутствия выпивки срывал на Музе. Она это понимала и терпела, терпеливо ждала, когда израненная градусами нервная система у близкого человека придет в норму. Но ее надеждам было не суждено сбыться, потому что заехавшие в соседнюю избу охотники были затарены по полной ящиками с водкой, и все лечение Генриха сразу же пошло насмарку. Он пропадал у небритых соседей сутками, а они по доброте душевной поили его и смеялись, когда мужчина напивался до свинячьего состояния. И сколько Муза ни просила и ни умоляла их этого не делать, ничего не помогало. Она уже решила вернуться домой, если Генрих не образумится, когда ночью проснулась от того, что на нее навалилось большое, грузное мужское тело. Тело было с запахом немытости и перегара и колючей, грязной и соляной бородой.

— Что вы делаете? — испугалась она, путаясь в белье и ночной рубашке.

— Тише, тише... Молодая, красивая, а муж — алкоголик! Ну, чего ты? Теплая такая. Мы с ребятами давно без баб блуждаем, а тут такая женщина пропадает! Вот сейчас и удовлетворим друг друга! Я и ребят могу позвать по очереди!

— Ах, мерзавец! Негодяй! Немедленно отпустите меня! Сволочь! — Муза быстро пришла в себя и начала активно сопротивляться, что вывело пьяного детину из себя, и он тоже не сдавался. — Помогите! — закричала в отчаянии Муза.

— Кого ты зовешь? Твой суженый валяется без чувств в нашем домике, а вокруг лес на тысячи километров и дикие звери. Так что не кричи, детка, и расслабься, сейчас получишь удовольствие от настоящего мужика! — пыхтел бородатый злодей.

Понятно, чем бы это кончилось, если бы не подвернувшееся под руку Музе полено. Им она и огрела несостоявшегося любовника по затылку. Он не потерял сознание, но потерял ориентацию в пространстве на какое-то время. Этого хватило Музе, чтобы выскочить на мороз, засунув ноги в огромные валенки насильника, которые он скинул у порога. И еще она успела сорвать с вешалки свой пуховик. Пряталась она от своего мучителя в сарае для хозяйственных принадлежностей, пока он ходил вокруг избы с проклятиями, ища ее с угрозами полного уничтожения. Под утро он выпил и угомонился, тогда протрезвели его напарники и муж Музы. Они-то и нашли девушку в сарае вконец замерзшую и испуганную. Они и извинялись, и накрывали ее